

ских промышленных странах; вопрос же о сравнительных политических *итогах* этого движения, о занимаемом им положении по отношению к другим общественным течениям и об его роли в общем распределении политических сил оставался болѣе или менѣе въ сторонѣ. Подразумывалось, что этот вопрос уже съ достаточною опредѣленностью разрѣшается самым фактомъ непрерывнаго роста и развитія социалистическаго движения въ рабочей средѣ, такъ какъ предполагалось, что, когда это движение достигнетъ опредѣленныхъ размѣровъ, оно должно будетъ, въ силу присущихъ ему революционныхъ стремлений, овладѣть политической властью и произвести соответствующій общественный переворотъ.

Но такая постановка вопроса могла бы считаться правильной только въ томъ случаѣ, если бы ростъ социалистическаго движения можно было разсматривать независимо отъ роста и развитія другихъ, противоположныхъ ему, общественныхъ факторовъ, или если бы этотъ ростъ совпадалъ съ упадкомъ и разложениемъ противодействующихъ ему общественныхъ теченій; тогда одно собственное развитіе социалистическаго движения уже достаточно опредѣляло бы собою общее положеніе дѣлъ. Между тѣмъ, въ той теоріи научнаго социализма, которую мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ, а именно въ социаль-демократической теоріи, вопросъ этотъ поставленъ, какъ извѣстно, совершенно иначе, такъ какъ самый ростъ социалистическаго движения оказывается въ ней находящимся въ прямой зависимости отъ роста и развитія крупнаго капиталистическаго производства, составляющаго главную основу экономическаго могущества буржуазіи. Но такъ какъ вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства очевидно должно возрастать также политическое значеніе опирающагося на него общественнаго класса, т. е. буржуазіи, интересы которой становятся самымъ непосредственнымъ образомъ съ интересами социалистическаго движения, то ясное дѣло, что при такомъ опредѣленіи условий развитія социализма одного указанія на его непрерывное развитіе уже недостаточно для подведенія конечныхъ политическихъ итоговъ, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь уже не объ одномъ непрерывно развивающемся общественномъ факторѣ, а объ извѣстномъ соотношеніи между двумя одинаково растущими и развивающимися общественными силами: социализмомъ и буржуазіей.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что, когда данное общественное положеніе опредѣляется прямымъ соотношеніемъ между двумя одновременно растущими и развивающимися общественными величинами, то такого рода формула является какъ бы уравненіемъ съ двумя неизвѣстными, не охватывающимъ всѣхъ элементовъ даннаго политическаго положенія и не указывающимъ на приближеніе къ какому-нибудь опредѣленному политическому результату. Растетъ крупная капиталистическая промышленность и вмѣстѣ съ нею ра-

стетъ экономическое и политическое могущество буржуазіи; съ другой стороны, развивается социалистическое движеніе и вмѣстѣ съ нимъ развивается также извѣстная политическая партія съ совершенно опредѣленными идеалами общественнаго переустройства. Но что же дальше? Гдѣ выходъ изъ этого замкнутого круга? Когда Вебелъ указывалъ въ своей амстердамской рѣчи на предстоящій дальнѣйшій ростъ нѣмецкой социаль-демократіи, то при этомъ, согласно социаль-демократическому пониманію условий развитія рабочаго движения, необходимо подразумевалось также дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности; но развѣ дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности не предполагаетъ неизбѣжнаго дальнѣйшаго развитія политическаго могущества нѣмецкой буржуазіи?

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ современной социаль-демократической теоріи научнаго социализма замѣчается очень существенный теоретическій пробѣлъ, остающій въ полной неизвѣстности общественные и политическіе итоги социаль-демократическаго движения. Опираясь въ своей главнѣйшей и даже единственной предпосылкѣ на громадное развитіе крупной капиталистической промышленности, она въ то же самое время какъ бы совершенно не замѣчаетъ той противоположной стороны этого явленія, которая касается столь же громаднаго и столь же неизбѣжнаго развитія политическаго могущества буржуазіи.

Въ этомъ отношеніи *первоначальная* концепція научнаго социализма, — того научнаго социализма сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, который былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ Маркса и Энгельса, — была, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо полнѣе и законченнѣе. Она была построена, какъ извѣстно, на томъ диалектическомъ процессѣ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства, который вытекалъ изъ экономическихъ результатовъ самого этого способа производства, — на томъ разрушительномъ стихійномъ элементѣ *чисто экономическаго происхожденія*, который зарождался въ самомъ процессѣ капиталистическаго развитія и вынашивался буржуазнымъ обществомъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. Такимъ образомъ, въ этой первоначальной теоріи научнаго социализма, въ самыхъ свойствахъ крупнаго капиталистическаго производства уже оказывался источникъ не только его дальнѣйшаго развитія, но и его неминуемой экономической гибели. Такимъ неизбѣжнымъ источникомъ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства являлись въ Коммунистическомъ Манифестѣ, какъ извѣстно, все возрастающіе промышленные кризисы, которые должны были вызывать въ буржуазномъ обществѣ все усиливающіяся экономическія потрясенія, сопровождающіяся настоящими общественными катастрофами:

«...Современное буржуазное общество — читаемъ мы въ Комму-